

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-202-210>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. О. А. Мальцева

г. Калининград, Россия

АПОКАЛИПТИКА РЕВОЛЮЦИИ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО В ПОЭМЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ»

Аннотация: В статье рассматривается структура и значение мифопоэтического компонента поэмы Б. Л. Пастернака «Лейтенант Шмидт» (1926–1927). Показано, что мифопоэтика способствует выражению в произведении христианских взглядов автора на события русской революции 1905–1907 гг. Говорится об изображении Севастопольского восстания как своего рода повторения трагической истории захвата Киева монголо-татарами в XIII в., а также кровавых реалий Великой Французской революции конца XVIII в., поскольку данные события явились последствиями того, что общество пренебрегло духовно-нравственными основами своего существования. Воплощением последних выступают здесь, по мнению автора статьи, возникающие в подтексте образы разрушенной в 1240 г. Десятиной церкви, не реализованных вовремя Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Манифеста 17 октября 1905 г. При этом подчеркивается значимость в поэме мещанского облика «спящего» города-крепости Севастополя. Обращается внимание на то, что лейтмотивным в картине духовного небодрствования, лжи и насилия является образ разгулявшейся демонической стихии, которая в итоге охватила обе противоборствующие стороны. Утверждается, однако, что в поэме имеет место и антагонистическое этой стихии духовное начало — в образе лейтенанта Шмидта, который воплощает собой идею евангельского подвижничества в эпоху насилия и бездуховности. Анализируется природа внутреннего конфликта, переживаемого героем, а также динамика связанных с ним сюжетных линий. Отмечается роль библейских и историко-литературных аллюзий. Высказывается мысль о том, что произведение, таким образом, обнаруживает характерные черты историко-мифологической поэмы.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, поэма, историко-литературные аллюзии, миф, христианские идеи.

Информация об авторе: Оксана Анатольевна Мальцева — кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, ул. Александра Невского, д. 14, 236016 г. Калининград, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4431>. E-mail: oa_malts@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.04.2020

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Мальцева О. А. Апокалиптика революции и подвижничество в поэме Б. Л. Пастернака «Лейтенант Шмидт» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 202–210. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-202-210>

Поэма «Лейтенант Шмидт» задумывалась Б. Л. Пастернаком как одна из глав поэмы «Девятьсот пятый год». Хотя она и вылилась в итоге в отдельное произведение, но автор все-таки следовал тем же принципам построения — «без романтики и реалистически, видя в задаче обеих поэм картину времени и нравов, хотя бы в разрезе историко-революционном» [5, с. 529]. Действительно, в поэме непосредственно изображаются события революции 1905 г., а именно Севастопольское вооруженное восстание от его предыстории, связанной с народными волнениями и реакцией на Манифест 17 октября, до его поражения и казни основных «бунтовщиков». Обратившись к различного рода документальным свидетельствам, Б. Л. Пастернак, как известно, достигает очень высокого уровня соответствия своего эпического повествования историческим реалиям того времени. Данное обстоятельство, однако, в литературной критике нередко стало трактоваться как некая художественная неудача (приведем, например, слова М. И. Цветаевой о «трагической верности подлиннику» в поэме [5, с. 529]). Тем не менее, опираясь на наблюдения Ю. И. Левина, исследовавшего соотношение между документальными данными, которыми пользовался Б. Л. Пастернак, и поэтическим текстом, можно говорить о существенном «субъективном» начале в «реализме» пастернаковского произведения: «В подходе автора к материалу бросается в глаза скрупулезная точность — и одновременно высокая избирательность. Эта избирательность проявляется уже в выборе героя. <...> реальный Шмидт был действительно во многих отношениях близок поэту <...> (т. е. речь должна идти не об авторском произволе, перебирающем на свой вкус историческое лицо, а именно об авторской избирательности)» [2, с. 175]. Примечательно, что направление авторской избирательности, как замечает исследователь, не имеет ничего общего с «беллетризацией» материала [2, с. 195–196], а отражает, по-видимому, исключительно мировоззренческую позицию художника — позицию, которая, как нам представляется, связана с христианской интерпретацией происходящего и выражена мифопоэтической составляющей пастернаковского «революционного» эпоса. Попытка исследовать данное произведение выглядит в настоящее время актуальной, поскольку, как пишет А. Ю. Сергеева-Клятис, изучавшая рецепцию поэтического наследия Б. Л. Пастернака в отечественной критике, посвященные поэмам «серьезные исследовательские работы легко поддаются устному счету» и ученым еще только «предстоит обратиться к комментированию и детальному анализу поэтики этих произведений» [7, с. 463], хотя следует сказать, что о христианстве поэта в целом сегодня сказано уже немало.

Важную роль в образной системе произведения с первых строк начинает играть некая вражеская, темная сила, надвигающаяся как бы из преисподней и постепенно поглощающая по-летнему светлый и праздный Киев («А позади размерно-бьющим веяньем / Какого-то подземного начала / <...> / Он рос кругом, и полз по переходам, / <...>. / Все кончилось. Настала ночь. По Киеву / Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень» [4, с. 290]). В этом inferнальном образе угадываются черты зверя — *змея*¹ («полз»), *коня* («размерно-бьющим веяньем», «взвивался», «пронесся»). Знаменательно, что данную экспозиционную картину «киевского дерби» автор рисует как своего рода исторический повтор событий многовековой давности: «И вот как дни Батыевы, / Ушедший день стал странно стародавен» [4, с. 290]. Ключевым моментом, предшествовавшим захвату Киева в 1240 г. монголо-татарами — *конниками*-«нехристями» под предводительством Батыея, стало, как свидетельствуют летописи, разрушение храма в городе самими его жителями: «Горожане сделали еще второе укрепление вокруг (церкви) святой Богоро-

¹ Курсив везде мой. — О. М.

дицы (Десятинной) <...>. Люди тем временем выбежали на церковь, и на своды церковные с пожитками своими, и от тяжести повалились с ними стены церковные, и так был взят город (татарскими) воинами» [1, с. 27]. Без твердого духовного основания Киев стал легкой добычей врага, несмотря на то что был, казалось бы, надежно защищен крепкими оборонительными сооружениями. Б. Л. Пастернаку виделось трагическое повторение того духовного падения уже в современном ему обществе мещанского благополучия — обществе, стоящем на пороге революционного кровопролития, которое вот-вот захлестнет город. Недаром в начальном эпизоде поэмы имеется важная деталь: грядущая война уже «примешивается» в настоящее «пепельной шепоткой», образ которой интертекстуален — воспринимается и как напоминание о сожженной монголами Десятинной церкви, и как аллюзия на судьбу позабывших Бога библейских городов Содома и Гоморры, ср.: «Шелка зонтов дышали жаждой грома. / Палящий день бездонным небом целился / В трибуны...» [4, с. 290].

Севастополь является в произведении своеобразным семантическим синонимом Киева как город-храм и город-крепость. В переводе с греческого языка его название действительно означает «священный город», а местный топоним характеризуется обилием таких слов, как «вал», «редут», «казарма», «плац», «дивизия», «эскадра» и т. п. Кроме того, военные корабли носят здесь знаковые имена: «Очаков», «Синоп», «Чесма». Однако при этом глубоко символичен у Б. Л. Пастернака именно мещанский облик города — в образе охватившей его змеиным кольцом большой дороги, где «тянулись семьями / Мещане по шоссе / <...>, / В ландо, на тарантасе, / <...>. / Дорогой, огибавшей / Военный порт, с утра / Катились экипажи, / Мелькали кучера» [4, с. 300–301]. Знаменательно, что этот облик города затемнен («Вуали паутиной / Топырились по ртам» [4, с. 301]), а дорога, по которой он «тянется», обретает черты того библейского «пространного пути, ведущего в погибель», которым «многие идут» (Мф. 7: 13): «Столбы, скача под шины, / Несли ко всем чертям» [4, с. 301]. В данном контексте образ безмятежного сна, в котором пребывает Севастополь накануне революционных событий, естественно воспринимается как символ его духовного небодрствования, утраты им христианских ценностей, а следовательно, приближающейся опасности стать легкой добычей «зверя». Недаром в поэме соответственно характеризуется начало революционных событий в городе: «Октябрь. Кольцо забастовок. / О ветер! О ада исчадьё! / И моря, и грузов, и клади / Летящие пряди» [4, с. 294] (образ «пряди», т. е. волос, гривы, явно апеллирует к библейским inferнальным образам коня, льва).

Интересно, что одну из начальных глав поэмы, где центральным является образ знаменитого царского Манифеста 17 октября, автор первоначально хотел назвать «Марсельеза» [5, с. 531], проводя очевидную параллель между событиями 1905–1907 гг. в России и реалиями Великой французской революции конца XVIII в. Дело в том, что французский королевский двор, оставляя в пренебрежении потребность простых людей иметь какие-либо политические права и свободы, сам подтолкнул народ к массовым протестам. Умиротворить революционную стихию была призвана принятая Учредительным собранием Декларация прав человека и гражданина (1789). Однако несоответствие реальных действий власть имущих высоким принципам Декларации, лицемерие и обман — все это привело в итоге к многолетнему кровопролитному противостоянию. Б. Л. Пастернак также предваряет упомянутую главу картиной народного недовольства своим бесправным положением (см. образ массового митинга в Севастополе на похоронах жертв расстрела мирной демонстрации, на котором центральным лозунгом были слова: «Ни пяди обратно! Клянитесь!») [4, с. 294] — слова, воспроизводящие реальную

речь Шмидта: «Клянемся <...>, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами *человеческих прав*» [2, с. 178]). Назревающий русский бунт, казалось бы, получает шанс быть остановленным: автор посвящает главу незамедлительно изданному правительством Манифесту 17 октября о даровании населению гражданских прав и свобод. Обращает на себя внимание символическая деталь: пафосное человеколюбивое содержание Манифеста уничтожается тем, что текст клеится «на подъездах» грубо, наспех и небрежно, в итоге легко отваливается («Висят замки в отеках картофельной муки» [4, с. 295]), превращаясь в никчемную, попираемую ногами прохожих бумажку. Действительно, уже в следующих главах Б. Л. Пастернак рисует картину жестокого избиения правительственными войсками митингующих матросов — картину нарушения-попираания властями данных народу прав: «Не надо. Наземь. Руки врозь» [4, с. 295]. Позже устами Шмидта автор проведет четкую причинно-следственную связь между вспыхнувшим революционным восстанием и лицемерной политикой правящих верхов: «Все было вновь отобрано. / Так вечно, пункт за пунктом, / Намереньями добрыми / Доводят нас до бунта» [4, с. 323]. Таким образом, события русской революции 1905 г., по мнению Б. Л. Пастернака, стали закономерным повторением — как французского сценария, так и древней летописной истории, когда человеческая «крепость» (Киев, Франция, Севастополь) «пала», охваченная войной-демоном, потому что само общество предварительно пренебрегло-разрушило духовно-нравственные основы своего существования (Десятинная церковь, Декларация прав человека и гражданина, Манифест 17 октября), заменив их ложными ценностями власти и богатства.

Тема лукавства со стороны власть имущих, усугубленная автором мотивом прямого подстрекательства к насилию («Я б ждать не стал, чтоб чирей вызрел. / Я б гнал и шпарил по пятам. / Предлогов тьма. Случайный выстрел, / И — дело в шляпе, капитан» [4, с. 297]), обуславливает возникновение здесь образа пробуждающегося морского чудовища — древнего змея (см. образ глаз-«маяков», которые зажглись-«дернулись»), как бы почуявшего, что добыча близка: «*Ползли и начинали стлаться / Сигналы мачты позывной. / И вдруг зашевелилось море. / Взвились эскадры языки, / И дернулись в переговоре / Береговые маяки*» [4, с. 298]. Человекоубийственное противостояние в объятом революцией городе становится у Б. Л. Пастернака апогеем безбожия и мракобесия: «Как грянуло два данных кряду / Нежданных выстрела в упор. / <...> / Шварк об землю ружье и вмиг / <...> / Стал рвать душивший воротник. / <...> / И рвал гайтан, и тискал тельник <...>» [4, с. 297–298]; « — <...> Чухнин?! / Погромщик бесноватый! / Виножник всей брехни! / Разоружать суда? / Нет, клеветник...» [4, с. 305]; «*Зарделся движущийся хвост / <...>, / Шрапнель. / Она рвалась в лету, на жнивьях, / В расцвете лет людских, в воде, / Рождая смерть, и визг, и вывих / Везде*» [4, с. 312].

В образе обеих противоборствующих сторон обнаруживаются черты одержимости дьяволом, который, как известно, ищет, «кого поглотить» (1 Петр. 5: 8): «Едва ль они *насытятся / Одной живою тварью*» [4, с. 293], «Верста матросских подбородков / Гулявших взглядами *жрала*» [4, с. 297], «Он шел под взглядами опухших, / *Голодных глаз*» [4, с. 310]. Соответственно в результате и те и другие оказываются как бы поглощенными «зверем». Так, в финале произведения восставшие матросы заключены в плавучей тюрьме, напоминающей звериное чрево:

Люки были настезь, и, *точно у миног,*
Округлясь, *дышали рты* иллюминаторов.
Транспорт *колыхался, как сонный осьминог.*

Вдруг по тьме мурашками пробежал прожектор.
 «Прут» зевнул, втянув тысячеперстые лапы.
 Свет повел ноздрями, пробираясь к жертвам.
 <...> всадил с шипеньем внутрь свою иглу.
 <...> забились вглубь [4, с. 324],

— ведь души этих матросов охвачены ненавистью («Не мучьте! Кончайте, кровопийцы!» [4, с. 324]). Но и антагонисты бунтарей, вышедшие, казалось бы, из революционной войны победителями, также являются в поэме добычей дьявола. Недаром, изображая заснеженный Очаков, где проходил суд над Шмидтом, автор рисует «глотки луж» [4, с. 316] и апеллирует к «Божественной комедии» Данте («Однако, как свежо Очаков дан у Данта!» [4, с. 316]), где соответственно говорится о ледяном озере Коцит, которое поглощает жестокие души. Именно такими, охваченными холодом, поэт показывает чиновников (образ генерала, страдающего мучительным кашлем), которые немилосердно расправлялись с мятежными матросами.

Можно сказать, что поэма пронизана пафосом изображения революции как разгула демонической стихии. Однако при этом здесь имеет место и антагонистическое этой стихии духовное начало — в образе лейтенанта Шмидта. Восприятие этого персонажа важно уже на символическом уровне: по контрасту со «спящим» городом он единственный в нем бодрствует («А Севастополь *спит* еще...» [4, с. 291] — «*Не спит за перепиской / Таинственный моряк*» [4, с. 292]), более того, данное его состояние сопровождается процедурой погружения в воду («Бежит в воде похлопаться...», «Урчат ночные ванны...», «Он сызнава под кран» [4, с. 293], что может напоминать о Крещении, в его образе соответственно присутствует элемент оцерковливания («...какое здесь / Раздолье *вере!*» [4, с. 291], «И вам всю душу выболтал / Без страха, как на *таинстве*» [4, с. 293], «...на “*Трех Святителей*”, / Где третий день содержусь под стражей» [4, с. 298]). Становится очевидным, что для поэта главным в образе Шмидта является его противостояние охватившему мир «мракобесию». В этом смысле значимым представляется эпизод с юношеским конфликтом будущего лейтенанта, возникшим из-за неприятия им мещанской пошлости окружающей жизни: «Навек ребенку в сердце вкован / Облитый мукóй облик женщины / В руках поклонников Баркова. / И вновь я болен ей, и ратую / Один, как перст, средь мракобесья...» [4, с. 299]. Закономерно, что и в революцию он вступает именно как защитник прав униженных и оскорбленных (см. упомянутую выше его речь на митинге 19 октября 1905 г.).

Важным для понимания сути действий Шмидта является наличие в повествовании о нем, помимо «исторической» сюжетной линии, еще одной — «личной», воплощающей его мечту о счастливой семейной жизни с любимой женщиной. Кульминационный момент в судьбе лейтенанта наступает в точке пересечения этих линий — когда герой оказывается перед необходимостью выбора между жалостью и ответственностью за обреченных моряков с «голодными глазами», с одной стороны, и комфортом личного счастья, с другой, — выбора, имеющего, по сути, духовную природу, поскольку требует либо вступить в борьбу с кровавым демоном войны, пытаясь укротить его, либо подавить в себе голос христианской Любви, но при этом самому стать частью демонической стихии. Действительно, образ возлюбленной героя становится в поэме «лукавым» воплощением этой стихии: именно она вступает в «спор» с духовным выбором героя, омрачая «бег Рождества» в его душе [4, с. 313], союз с ней оказывается неотделимым от материальных привязанностей («...об пол хлоп портплед, / Продернув ремешки

сквозь пряжки. / И на карачках под диван, / Потом от чемодана к шкапу... — / Любовь, горячка, караван / Вещей, переселенных на пол» [4, с. 303]), которые поставили бы героя в один ряд с бегущими со всеми своими пожитками жителями города и которые стали бы для него смертельной ловушкой зверя («*Не слышалось ни звука / В уютной, как каюта, / Конуре*» [4, с. 304]). Таким образом, вызывающий иногда у критиков недоумение факт того, что «личная линия» поэмы обрывается <...>, несмотря на полную возможность продолжить ее» [2, с. 196], представляется нам оправданным, поскольку служит реализации авторской идеи о духовном, а не плотском выборе героя.

Духовная миссия героя подчеркивается автором путем наделения его образа чертами, в которых прочитываются аллюзии на евангельский образ Христа. Например, описание обстановки, в которой Шмидт принимает свое жертвенное решение, проецируется на образ Гефсиманского сада: см. образы *ночи*, «*садовых гряд*», «*потного <...> платья*» [4, с. 305], «*дремлющих*» кораблей в «*рассветной мгле*» [4, с. 306]), *войск*, которые «в тумане тащатся» [4, с. 307] навстречу, и севастопольской бухты-*чаши*, на дно которой соскальзывает Шмидт: «...*вот он весь у ног, / Захлебывающийся Севастополь, / <...> / И кубарем с последней кручи — бух*» [4, с. 306] (см. также в черновом варианте: «*Что ни час, / Растущая покорность лани. / Готовность встать <...> / И согласиться на закланье*» [5, с. 534]). Более того, изображая Шмидта, согласившегося возглавить восстание, заведомо обреченное на поражение, с тем, чтобы, взяв на себя вину за него, спасти от расстрела товарищей, автор приводит практически прямую цитату из Евангелия {ср.: «*Жребий завиден. Я жил и отдал / Душу свою за други своя*» [4, с. 312] и «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин. 15: 13)}, явно характеризую героя как последователя Христа. Соответственно этому автор рисует образ Голгофы: «*Одним карать и каяться, / Другим — кончать Голгофой*» [4, с. 322], «...*столб, у которого / Я стану...*» [4, с. 323]. Заметим, что евангельский образ возвышающегося над городом Лобного места, вокруг которого в свое время собралось множество народа, чтобы посмотреть на казнь Христа, переключается при описании восстания с такими образами, как «*ристалище*», «*тридцатитысячная толпа*» любопытных на берегу, «*арена*», «*панорама*», «*публика*», «*эшафот*». Эти образы позволяют, на наш взгляд, вписать конкретную историческую фигуру Петра Петровича Шмидта в контекст рассуждений апостола Павла о сути христианского подвижничества (1 Кор. 4: 9): «*Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти; потому что мы сделались позорищем для мира*» (выделенное слово употребляется здесь в значении «*зрелище*», «*представление*»). Согласно «*Библейской энциклопедии Брокгауза*», Павел сравнивает здесь предназначение апостола с судьбой «*приговоренных к смерти*» гладиаторов, которые должны были бороться с дикими зверями на глазах жаждущей зрелищ публики [6, с. 735]. По-видимому, именно этой интертекстуальной связью с Библией обуславливается появление в поэме образа христианского проповедника:

Из клеток крадутся века,
По коллизею бродят звери,
И проповедника рука
Бесстрашно крестит клеть сырую,
Пантеру верой дрессируя,
И вечно делается шаг
От римских цирков к римской церкви [4, с. 297] —

проповедника, черты которого обнаруживаются в образе главного героя: «В нем точно проснулся дремавший *Орфей*. / И что ж он задумал, другого первей? / Объехать эскадру, / Усовестить ядра, / Растрогать стальные созданыя верфей» [4, с. 309] (первоначальный вариант: «зверье из верфей» [5, с. 538]). Заметим, что действительно «в раннехристианском искусстве мифологический образ Орфея связан с иконографией “добрého пастыря” (Орфей отождествляется с Христом)» [3, с. 263]. Другими словами, автор вписывает образ героя в мифопоэтическую парадигму: Орфей = Христос = апостол/проповедник = Шмидт.

По сути, можно сказать, что идейный пафос произведения выходит за рамки конкретной исторической эпохи и личности, ее представляющей: миссия «апостола», будь то моряк или поэт, во все времена заключается в противостоянии «зверю» бездуховности и человекоубийства («Я враг кровопролитья» [4, с. 304]). И так, как нам представляется, ключевым в «революционной» поэме Б. Л. Пастернака является то, что в ней не столько «время <...> показано через личность» [8, с. 18], сколько сама личность — исповедующая тысячелетние христианские ценности и испытываемая временем. Иными словами, данное произведение, по нашему мнению, обнаруживает характерные черты историко-мифологической поэмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Вортман В., Вортман Д. Взятие Киева монголами // Воин. 2004. № 16. С. 25–27.
- 2 Левин Ю. И. Заметки о «Лейтенанте Шмидте» // Ю. И. Левин Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 174–208.
- 3 Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. Т. 2. 719 с.
- 4 Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: СЛОВО / SLOVO, 2003. Т. 1. 576 с.
- 5 Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Комментарии // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: СЛОВО / SLOVO, 2003. Т. 1. С. 421–564.
- 6 Ринкер Ф., Майер Г. Библейская Энциклопедия Брокгауза. М.: Российское Библейское Общество, 1999. 1120 с.
- 7 Сергеева-Клятис А. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: Революционные поэмы Пастернака в литературной критике // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 437–463.
- 8 Фоменко И. В. Поэтическое творчество Бориса Пастернака 10-х–20-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1971. 20 с.

***

© 2021. Oksana A. Maltseva
Kaliningrad, Russia

APOCALYPTICS OF REVOLUTION AND SELF-SACRIFICE IN THE POEM “LIEUTENANT SCHMIDT” BY B. L. PASTERNAK

Abstract: The paper investigates the structure and significance of a mythopoetic component in the poem “Lieutenant Schmidt” (1926–1927) by B. Pasternak, revealing that mythopoetics contributes to the expression of the author’s Christian views on the

events of the Russian revolution of 1905–1907. It depicts the Sevastopol Uprising as a kind of repetition of the tragic history of capture of Kyiv by Mongols-Tatars in the 13th century, as well as the represents bloody realities of the Great French Revolution of the late 18th century, since these events resulted from the fact that society neglected the spiritual and moral foundations of its existence. According to the author the images, arising in the subtext, the images of the Church of the Tithes destroyed in 1240, the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (1789) and the October Manifesto (1905), not implemented in time, are the embodiments of such foundations. At the same time, the study emphasizes the significance of a philistine appearance of the “sleeping” fortress-city of Sevastopol. The author draws attention to the fact that the leitmotif of representing the spiritual sleep, lying and violence is the image of the rampant demonic force which eventually engulfed both warring parties. As she argues, there is, however, an antagonistic spiritual origin of this element in the poem — it is exactly in the image of Lieutenant Schmidt who embodies the idea of evangelical self-sacrifice in the era of violence and lack of spirituality. The paper analyzes the nature of internal conflict experienced by the hero, as well as the dynamics of the plot lines connected with him and highlights the role of biblical, historical and literary allusions. The author concludes that the work under study reveals characteristic features of a historical and mythological poem.

Keywords: B. Pasternak, poem, historical and literary allusions, myth, Christian ideas.

Information about the author: Oksana A. Maltseva — PhD in Philology, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Alexandra Nevskogo St., 14, 236016 Kaliningrad, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4431>. E-mail: oa_malts@mail.ru

Received: April 14, 2020

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Maltseva O. A. Apocalypitics of revolution and self-sacrifice in the poem “Lieutenant Schmidt” by B. L. Pasternak. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 202–210. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-202-210>

REFERENCES

- 1 Vortman V., Vortman D. Vziatie Kieva mongolami [Capture of Kyiv by Mongols]. *Voin*, 2004, no 16, pp. 25–27. (In Russian)
- 2 Levin Iu. I. Zametki o “Leitenante Shmidte” [Notes on “Lieutenant Schmidt”]. In: Levin Iu. I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1998, pp. 174–208. (In Russian)
- 3 *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols.], editor-in-chief S. A. Tokarev. Moscow, NI “Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia” Publ., 1997. Vol. 2. 719 p. (In Russian)
- 4 Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, SLOVO / SLOVO Publ., 2003. Vol. 1. 576 p. (In Russian)
- 5 Pasternak E. B., Pasternak E. V. Kommentarii [Comments]. In: Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols.]. Moscow, SLOVO / SLOVO Publ., 2003, vol. 1, pp. 421–564. (In Russian)
- 6 Rineker F., Maier G. *Bibleiskaia Entsiklopediia Brokgauza* [Brockhaus Bible Encyclopedia]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo Publ., 1999. 1120 p. (In Russian)

- 7 Sergeeva-Kliatis A. “Svoi sredi chuzhikh, chuzhoi sredi svoikh”: Revoliutsionnye poemы Pasternaka v literaturnoi kritike [“At home among strangers, a stranger among his own”: Pasternak’s revolutionary poems in literary criticism]. *Voprosy literatury*, 2012, no 5, pp. 437–463. (In Russian)
- 8 Fomenko I. V. *Poeticheskoe tvorchestvo Borisa Pasternaka 10-kh–20-kh godov* [Poetry of Boris Pasternak of the 10th–20th years: PhD thesis]. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 1971. 20 p. (In Russian)